

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ГЛАГОЛОВ КАУЗИРОВАННОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В КОНТРАСТИВНЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія.

Випуск 1 (33) 2015

УДК 811.161.1'366.58+811.511.141'366.58

Виноградов А. Семантичні параметри дієслів каузованого пересування у контрастивних словотвірних дослідженнях; 14 с. кількість бібліографічних джерел – 20, мова російська.

Анотація. У статті йдеться про релевантні параметри корелятивних семантичних груп дієслів каузованого пересування у російській і угорській мовах як підстави для їх контрастивного дослідження в аспекті префіксальної валентності.

Ключові слова: російські та угорські дієслова каузованого пересування, семантичні угруповання та параметри.

Выбор в качестве объекта настоящего исследования глаголов, называющих каузированное перемещение, обусловлен тем, что их словообразовательный потенциал отличается от аналогичного потенциала глаголов, называющих самостоятельное перемещение, – причем как в одном и том же языке, так и, что особенно показательно, в разных языках.

Непосредственным предметом нашего анализа являются определенные лингвистические характеристики коррелятивных мотивирующих глаголов каузированного перемещения в русском (РЯ) и венгерском языках (ВЯ). (Их списки составлены на основании [17]¹ и [16; 18–20].) Этим характеристикам *in toto* может быть постулирован статус релевантных признаков в распределении данных глаголов по семантическим группам. Эти группы различаются между собой не только наборами таких признаков, но также префиксальной

валентностью входящих в них глаголов в обоих языках. И в свете сказанного вполне обоснованной выглядит задача (хотя в данном исследовании она не ставится) соотнести с семантическими параметрами тех или иных групп глаголов специфику их словообразовательного «поведения» – на предмет выявления связи между тем и другим.

В этом случае речь может идти, в частности, о валентности глаголов с префиксами в векторно-директивных словообразовательных значениях (СЗ) в русском и венгерском языках (РЯ и ВЯ) – в значениях 'вверх', 'вниз', 'внутри', 'наружу' и т.п. Эти СЗ стандартно выражаются в обоих семантических классах глаголов движения (самостоятельное vs. каузированное перемещение) в обоих языках. Списки присоединяемых глаголами префиксов в векторно-директивных значениях, однако, различны в обоих языках, даже при полном или близком семантическом сходстве коррелятивных мотивирующих глаголов. А отсюда следует, что систематизация или группировка глаголов внутри каждого из классов в обоих языках происходит по разным параметрам, и это со всей очевидностью отражает различные подходы к идентификации и категоризации тех или иных разновидностей перемещения – которые могут быть объективно одними и теми же – в этноязыковых сознаниях носителей данных языков. Нет нужды специально доказывать значение и важность анализа подобных фактов для контрастивных исследований в области словообразования разных языков, особенно таких структурно и генетически различных, как русский и венгерский. Эти исследования, сопряженные, в качестве одного из аспектов, с масштабным изучением структуры ЯКМ различных этносов, *eo ipso* органически включаются в парадигму когни-

¹ По поводу рамок объекта настоящего исследования необходимо сделать следующие оговорки. 1) Не привлекаются для анализа мотивирующие и производные глаголы, которые ни в одном из своих значений не содержат сему перемещения (типа *топтать*). 2) Не рассматриваются глаголы, обозначающие не контролируемое субъектом действие, типа *ронять*. 3) Не рассматриваются глаголы с приставками не в чисто векторных значениях, а осложненных др. значениями (*на-*: 'на поверхность' (вверх? вниз?), *за-*: 'в большом кол-ве' (*забросали гранатами*), *разбросать* ('по разным направлениям' → 'кол-во'); *отколоть* – 'отделить', т.е. нет а) вектора и б) значения перемещения отдельного объекта как таковых и др.). 4) Не рассматриваются производные глаголы, в которых значение каузированного перемещения возникло лексико-семантическим способом, типа *вогнать* «вбить».

тивной лингвистики и потому, безусловно, представляются сегодня весьма актуальными.

В классе мотивирующих глаголов самостоятельного перемещения распределение их на семантические группы логически ориентировано прежде всего на такой объективный параметр, как тип (физическая природа) перемещения – пешком, бегом, ползком и т.д. Соответствующие ЛСГ возглавляют базовые глаголы ИДТИ, БЕЖАТЬ и т.д. Отдельные базовые типы самостоятельного перемещения представлены в РЯ и ВЯ в виде ряда разновидностей – с точки зрения темпа, манеры, способа перемещения и т.д., – глаголами *брести, топтать, ковылять, шкандыбать, хромать, шагать..; лететь, нестись, чесать, звать..; vándorog, kullog, gurul, lépked, surran, siklik..; rohan, röpköd, száguld* и др. Списки этих разновидностей перемещения, являющихся не чем иным, как семантическими или стилистическими синонимами базовых глаголов, в обоих языках не идентичны по составу членов; а кроме того, даже соотносительные по значению глаголы, называющие разновидности базовых типов самостоятельного перемещения, имеют в РЯ и ВЯ не совпадающую префиксальную валентность. Соответствующие вопросы рассматривались в наших предыдущих исследованиях [2–4].

Массив глаголов, называющих каузированное перемещение, принципиально отличается от массива глаголов самостоятельного перемещения как раз иными семантическими параметрами, которые могут быть положены в основу их внутреннего распределения на семантические группы (или поля). Предварительно надо заметить, что предлагаемые в некоторых исследованиях классификации глаголов перемещения, на наш взгляд, не основываются на сколько-нибудь строгих логических основаниях, в результате чего имеет место нивелировка ранговости дифференцирующих признаков, а выделенные таким образом группы глаголов находятся в одном ряду (перемещение по твердой поверхности – самостоятельное перемещение – несамостоятельное перемещение – перемещение волоком и т.д.) [5: 42-66]. Семантическая характеристика ‘несамостоятельность (каузированность) перемещения’ при этом вообще интерпретируется весьма своеобразно: значение обусловленного, несамостоятельного перемещения усматривается, например, в глаголах *гарцевать на лошади, трястись* (‘ехать’) *на телеге* и под. [там же, 55], которые подразумевают использование субъектом для своего перемещения каких-то вспомогательных транспортных средств. С этим, очевидно, невозможно согласиться, принимая во внимание лингвистическое истолкование каузативности, о чем речь будет ниже.

Таким образом, семантический параметр ‘физическая природа движения’ в качестве единственной конститутивной величины для разграничения семантических групп глаголов каузирован-

ного перемещения, на наш взгляд, выглядит недостаточным для описания префиксальной валентности глаголов в соответствующих группах. Эти группы различаются между собой количеством и, что гораздо существеннее, СЗ присоединяемых глаголами префиксов в сопоставляемых языках.

По нашим наблюдениям, префиксальная валентность мотивирующих глаголов каузированного перемещения обусловлена не только называемым ими типом или видом (физической природой) перемещения (бросок, волочение, переноска, извлечение и т.д.), но и др. факторами – такими, например, как характер перемещаемого объекта (живой/неживой); природа перемещающего субъекта (живой/неживой), т.е. когда субъект – реальное лицо либо персонифицированное, такое, как стихия или транспортное средство, напр., поезд); использование/неиспользование субъектом для перемещения объекта каких-л. дополнительных средств или механизмов, кроме собственных физических возможностей, и др.

Здесь необходимо отдельно остановиться на вопросе о том, какие, собственно, существуют лингвистические интерпретации понятия и соответствующего обозначения «каузативный глагол» или «глагол со значением каузации».

Каузативные глаголы в разных языках, как известно, представляют собой объект изучения словообразования². Общий семантический признак ‘каузация’, т.е. активная деятельность субъекта, направленная на то, чтобы вызвать какое-л. действие³ или состояние у другого участника ситуации – пациента, который может быть как живым, так и не живым, – в этом случае целиком для них пригоден. Вместе с тем, объективности ради, нелишне указать, что статус каузатива (или каузативности) как языковой категории достаточно неоднозначен и разнится от языка к языку, как и способы ее выражения. Потому целиком оправданной выглядит позиция исследователей, которые интерпретируют ее, вслед за А.В. Бондарко, как широкую функционально-семантическую категорию, как категорию «скрытой» грамматики, в которой проявляются внутренние связи между грамматикой, словообразованием и семантикой [6: 66]. Значение каузативности при этом, что вполне естественно, «выражается с помощью разнообразных языковых средств, репрезентирующих разные уровни языка» [там же, 72].

В некоторых языках каузативные глаголы имеют целый ряд специальных грамматических показателей – словообразовательных суффиксов, и именно таковы каузативные глаголы ВЯ. Они образуют суффиксами, выражающими, согласно К.Е.

² Ср.: «В целом каузатив является одним из наиболее часто выражаемых в языках мира словообразовательных значений глагола» [9: 210].

³ Ср.: «КАУЗАТИВНЫЙ <...> Имеющий значение причины (повода) для действия» [14: 193-194].

Майтинской, «переходные и побудительные действия» [8: 97-102]; но, несмотря на наличие у этих суффиксов «той степени обобщенности, которой характеризуется грамматическая категория залога, <они> в то же время не могут считаться еще формами глагола» [там же, 96].

В РЯ нет каузативных глаголов как ячейки словообразовательной системы, хотя есть глаголы со значением каузации, которое прочитывается прежде всего из их лексического значения. Ср.: «В русском языке каузатив как морфологическая категория представлена в ограниченном числе глагольных пар, напр.: *пить – поить, гнить – гноить*. Основной способ выражения каузатива в русском языке – лексический: синтетический (*жечь* ‘каузировать гореть’) или аналитический, с помощью специальных глаголов (*заставлять, вынуждать*) в сочетании с инфинитивом» [15: 47-48].

Все каузативные глаголы характеризуются обязательным признаком переходности, и, таким образом, в качестве лексико-грамматического подкласса в массиве глаголов в РЯ они, очевидно, могут рассматриваться в качестве компонента его **морфологической** подсистемы. Однако независимо от своего преобладающего статуса в языке – словообразовательного или морфологического – глаголы со значением каузации перемещения в обоих языках, РЯ и ВЯ, поддаются разбиению на группы по одним и тем же семантическим основаниям. Итак, какой же может быть семантическая группировка таких каузативных глаголов?

Здесь возможно совмещение параметров научной и естественной (повседневной) классификации. К первым относятся пространственно-геометрические характеристики перемещения – в горизонтальной либо в вертикальной плоскости. Ко вторым – уже упоминавшиеся такие его типы (или виды), как бросок, перевозка, переноска и др. Параметры обеих классификаций в целом совсем неплохо совмещаются друг с другом. Так, например, в семантическую группу вертикального перемещения объекта входят русские и венгерские глаголы *капать, сыпать, цедить, лить, качать, тащить* ‘что-л. тяжелое из чего-л.’, *dobál, hány, szivattyúz, pumpál, önt, szór, hint, szűr*⁴ и нек. др., обозначающие перемещение жидких или сыпучих веществ, для которых в силу самой их физической природы естественным является перемещение по вертикали.

Однако львиная доля глаголов каузированного перемещения характеризуется пространственным параметром ‘горизонталь’, что также естественно, ибо нам свойственно и самим двигаться, и перемещать объекты по земле или, реже, по водной поверхности. Мы предлагаем различать

5 семантических групп (полей) глаголов с данным – ведущим – параметром.

Группа 1: перемещение живого или неживого объекта О как результат физической активности субъекта S – с помощью транспортного средства (имеющего колёса, полозья и т.п.) – или неживого объекта О в качестве самого этого средства (*везти, kamuti, maцити* ‘везти’, *vesti* – машину, *visz, szállít, vezet, tol* и др.).

Группа 2: перемещение живого объекта О как результат физической (или иной) активности субъекта S – без посторонних средств, причем объект [все время] находится в поле влияния S, даже при отсутствии постоянного механического контакта между ним и S, и движется (может двигаться) сам при постоянном контакте с поверхностью перемещения (*вести* – кого-л., *гнать, пустить* ‘отпустить’, ‘пропустить’, *тащить* ‘вести’, *командировать, слать* – с поручением, *пихнуть* ‘толкнуть’, *садить* – человека, *звать, селить, hoz, vezet, űz, hajт, hajszol, kergeт, űldöz, bocsaт, enged, vonszol, cipel, hurcol, küld, lök, hív, űltet, telepít* и др.).

Группа 3: перемещение неживого объекта О как результат физической активности S (без привлечения посторонних средств), иногда при прекращении или изначальном отсутствии механического контакта между ним и S, причем перемещение О из L₁ в L₂ происходит без его постоянного контакта с поверхностью перемещения (*брать, дать, дернуть* ‘резко потянуть’, *дуть* – ртом и о ветре, *грузить, ставить* ‘помещать’, *сунуть, тащить* ‘нести тяжелое’, нести, *тянуть* – руками, *vesz, ad, visz, ránt, fűj, rak, helyez, tesz, dug, hurcol, cipel, húz* и др.).

Группа 4: перемещение неживого объекта О как результат собственной (или иной) активности S (без привлечения посторонних средств) с нарушением механического контакта между О и S после начального момента процесса перемещения им О, причем параметр ‘поверхность’ нерелевантен (*бросить, кинуть, метнуть, швырнуть, адресовать* – корреспонденцию, *слать* – нечто, *dob, vet, hajт, csap, vág, lódt, hajт, címez, küld* и др.).

Группа 5: перемещение неживого объекта О как результат физической активности S (без привлечения посторонних средств) – с сохранением механического контакта между ним и S и постоянным контактом с поверхностью, по которой S перемещает О (*волочь, грести* ‘собирать’, *двигать, камить* – нечто круглое, *мести* ‘очищать’, *нести* – о стихии, *тащить* ‘волочить’, *толкнуть* ‘двинуть’, *húz, vonszol, gereblyéz, mozdít, tol, gurít, görget, gördít, hengerít, söpör, sodor, visz, lök, taszít* и др.).

И наконец, шестую группу составляют глаголы каузированного перемещения в вертикальной плоскости, с которых мы и начали наш разговор о семантических группах. Семантику ее можно обозначить так: ‘перемещение неживого объекта О как результат физической активности (с возмож-

⁴ Здесь и далее венгерские глаголы приводятся в форме 3-го л. ед. ч. наст. вр., что является обычной практикой венгерских ТС, например, [20]. В переводных словарях, напр., в [16] они приведены в форме инфинитива.

ным использованием орудий) – как правило, без сохранения механического контакта между О и в конечной фазе процесса перемещения⁵ (примеры приведены выше).

Как можно заметить, глаголы внутри этих групп характеризуются также по «естественным» физическим признакам, которые, ради целостности описания, мы включаем в общий список параметрических характеристик каузированного перемещения. (В данном списке, кстати, находит свое подтверждение тезис о том, что «для толкования всех глаголов движения необходимыми представляются валентность субъекта, начальной и конечной точек перемещения, а также валентность пути» [1: 50].) Вот эти характеристики:

А/ Свойства перемещаемого объекта: 1) живой, 2) неживой, 3) живой или неживой.

Б/ Плоскость: 1) горизонтальная, 2) вертикальная, 3) горизонтальная и вертикальная.

В/ Контакт объекта с поверхностью (плоскостью) перемещения: 1) постоянный на всем протяжении траектории, 2) в конечный момент перемещения, 3) не эксплицирован.

Г/ Контакт объекта с перемещающим его субъектом: 1) постоянный на всем протяжении траектории, 2) в начальный момент перемещения.

Д/ Пункты на траектории перемещения: 1) релевантны начальный и конечный, 2) нерелевантны оба, 3) релевантен конечный пункт.

Е/ Использование субъектом для перемещения объекта орудий: 1) собственных частей тела, 2) механических (не транспортных) средств, 3) транспортных средств, 4) эксплицированность отсутствует.

Охарактеризовав глаголы в рамках каждой из групп по данным параметрам, можно получить степень релевантности каждого параметра в качестве дифференцирующего признака для группы. Безусловно релевантным считается параметр, который проявляется от 90 до 100 % случаев в общем списке глаголов группы. Обобщив данные по всем шести группам, получим следующую картину.

Релевантность параметров для отдельных семантических групп глаголов каузированного перемещения

1: Релевантны параметры: Б1, В1, Г1, Д2. – Е4 релевантен на 60 %, А2 – на 70 %.

2: Релевантны параметры: А1, Б1, Д3. – Е4 релевантен ≈ на 60 %, Е1 – на 40 %, В1 – на 79 %, Г1 – на 67 %.

3: Релевантны параметры А2, В3, Г1, Д3, Е1. – Б1 релевантен ≈ на 55 %.

4: Релевантны параметры: В3, Г2, Д3. – Е1 релевантен на 60 %, А1 – на 55 %, Б3 – на 75 %.

5: Релевантны параметры: А2, Б1, В1, Г1, Д2, Е1.

6: Релевантны параметры: А2, Б2, В3, Г2, Д1. – Е1 «работает» на 50 %.

Легко заметить, что **наборы** этих параметров для отдельных семантических групп не совпа-

дают, т.е. сами параметры действительно являются потенциальным дифференцирующим признаком для отграничения одной группы от другой.

Кроме того, каждая из групп содержательно отличается от других тем, что имеет свой индивидуальный семантический сценарий. «Сценарная» методика для описания значения глагольных префиксов разработана М.А. Кронгаузом и взята сегодня на вооружение многими исследователями.

Сценарий, по М.А. Кронгаузу, «означает фрагмент действительности в развитии, т.е. набор фреймов (ситуаций), переходящих друг в друга... Сценарий состоит из нескольких ситуаций и правил перехода между ними... В приставочный сценарий таким образом «вкладываются» и актанты – участники ситуации и главный предикат, соответствующий мотивирующему глаголу. Отдельный сценарий может соответствовать как конкретному подзначению приставки, так и значениям более высоких уровней абстракции. Таким образом, каждая приставка имеет набор сценариев, организованных специальным способом и составляющих систему» [7: 243].

Однако здесь мы в термин «сценарий» вкладываем несколько иной смысл, чем при «каноническом» описании глагольных префиксов – как в РЯ, так и в ВЯ⁵. (Отдельно отметим, что в венгерском языкознании особенно активно занимается этой проблемой К. Сили, посвятившая ей целый ряд своих работ.) А именно, мы не ставим своей задачей дать «атомарный» анализ каждого отдельного СЗ префикса, как это принято в подобных исследованиях: с указанием модели управления, списка глаголов, присоединяющих префикс в данном СЗ, и вообще всех шагов от исходной ситуации А до конечной Б. Мы предлагаем, так сказать, общую «динамическую картинку» (скрипт) ситуации или некоторого фрагмента действительности, который покрывают глаголы данной семантической группы. Приведенные выше развернутые наименования отдельных групп представляют собой модификации одного общего (абстрактного) сценария каузированного движения: «Субъект S (живой или неживой) прилагает усилия (физические или другие) к тому, чтобы в результате соответствующих его действий некий объект О, воспринимаемый как отдельное физическое тело, покинул занимаемое им первоначальное место/предмет L₁, ассоциирующийся с определенным (ограниченным) фрагментом пространства, и направился к другому месту/предмету L₂ (занял место L₂)».

Общая семантическая характеристика группы глаголов может сопровождаться разъясняющим комментарием. Например, для группы 2 он может быть таким: «1) имеет место постоянный контакт перемещаемого субъектом S объекта О с

⁵ Примеры такого описания можно найти, например, в работах [10–13] и др.

горизонтальной плоскостью, на которой находится траектория его перемещения Т, а начальный и конечный пункты перемещения L₁ и L₂ не маркированы; 2) постоянный физический контакт субъекта S с объектом O может отсутствовать».

На этапе сопоставительного анализа префиксальной валентности русских и венгерских глаголов каузированного перемещения каждая семантическая группа рассматривается как поле, в котором вычленяются центральная и периферийная зоны – с точки зрения префиксальной валентности отдельных глаголов. Это членение в пределах одних и тех же семантических групп коррелятивных глаголов РЯ и ВЯ, как и валентность самих глаголов, в целом не совпадает. Будучи соотнесен-

ным с семантическими параметрами каждой отдельной группы, оно отражает разное устройство и разное положение этих групп в качестве одного из фрагментов словообразовательных подсистем в сопоставляемых языках, и, шире, демонстрирует их статус дифференциального «маркера» в организации словопроизводственных сфер языковых картин мира русских и венгерских этносов. Непосредственные аргументы в пользу такого заключения, однако, могут быть предоставлены в самом процессе сопоставительного описания префиксальной валентности глаголов в каждой группе с последующим обобщением результатов, – что мы вынуждены оставить на будущее, считаясь с требованиями к объему этой небольшой статьи.

Литература

1. Ванюгина М. С. Приставочные глаголы движения в свете теории валентности / М. С. Ванюгина // Вестник Челябинского государственного университета: Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2010. – Вып. 40. – № 4 (185). – С. 48–52.
2. Виноградов А.А. Векторная параметризация перемещения в русских и венгерских префиксальных глаголах / А.А. Виноградов // Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства: Збірник наукових праць. – Ужгород, 2013. – Вип. 18. – С. 5-11.
3. Виноградов А.А. Семантико-стилистические параметры русских и венгерских глаголов как факторы префиксальной валентности: введение в проблему / А.А. Виноградов // Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства: Збірник наукових праць. – Ужгород, 2014. – Вип. 19. – С. 22-27.
4. Виноградов А.А. Факторы префиксальной валентности русских и венгерских префиксальных глаголов – названий разновидностей самостоятельного перемещения / А.А. Виноградов // Науковий вісник Ужгородського університету. – Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – Ужгород, 2014. – Вип. 2 (32). – С. 3-7.
5. Ибрагимова В.Л. Семантика русского глагола (лексика движения) / В.Л. Ибрагимова. – Уфа: Башкирский ун-т, 1988. – 80 с.
6. Кильдибекова Т.А. Глаголы действия в современном русском языке: Опыт функционально-семантического анализа / Т.А. Кильдибекова. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1985. – 160 с.
7. Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика / М.А. Кронгауз. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 288 с.
8. Майтинская К.С. Венгерский язык. – Ч. II: Грамматическое словообразование / К.С. Майтинская. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 227 с.
9. Плуноян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику / В.А. Плуноян. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 384 с.
10. Хацкевич Н.А. Семантические сценарии русских глаголов однонаправленного движения с приставкой *в-* / Н.А. Хацкевич // Карповские научные чтения: Сб. науч. ст. – Минск: Белорусский Дом печати, 2012. – Вып. 6: в 2 ч. – Ч. 2. – С. 226-229.
11. Szili Katalin. A *ki* igekötő jelentésváltozásai / Katalin Szili // Magyar Nyelv. – 2003. – 163-188 old.
12. Szili Katalin. A *be* igekötő jelentésváltozásai I / Katalin Szili // Magyar Nyelvőr. – 2003. – 151-164 old.
13. Szili Katalin. A *be* igekötő jelentésváltozásai II / Katalin Szili // Magyar Nyelvőr. – 2005. – 282-299 old.

Словари

14. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1969. – 608 с.
15. Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов / Н.В. Васильева, В.А. Виноградов, А.М. Шахнарович. – М.: Русский язык, 1995. – 176 с.
16. Венгерско-русский словарь / Отв. ред. Л. Гальди. – М. – Будапешт: Изд. АН СССР – Изд. Академии наук Венгрии, 1974. – 1116 с.
17. Лексико-семантические группы русских глаголов: Учебный словарь-справочник / Под общ. ред. Т.В. Матвеевой. – Свердловск: изд-во Уральского ун-та, 1988. – 153 с.
18. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Изд. 3-е, стереотипное. – М.: Русский язык, 1985-1988.
19. Gáldi L. Orosz-magyar szótár / L. Gáldi. – Budapest: AK, 1974. – 872 old.
20. Magyar értelmező kéziszótár / Lekt. J. Garamvölgyi. – Budapest: AK, 1972. – 1550 old.

Анатолій ВІНОГРАДОВ

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ГЛАГОЛОВ КАУЗИРОВАННОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ
В КОНТРАСТИВНЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Аннотация. В статье исследуются релевантные параметры коррелятивных семантически групп глаголов каузированного перемещения в русском и венгерском языках как предмет контрастивного исследования в аспекте префиксальной валентности.

Ключевые слова: русские и венгерские глаголы каузированного перемещения, семантические группы и параметры.

Anatoly VINOGRADOV

**SEMANTIC PARAMETERS OF VERBS OF TRANSFER CAUSED
IN CONTRASTIVE WORD-FORMATION RESEARCHES**

Summary. The article deals with relevant parameters of correlative semantic groups of Russian and Hungarian verbs, naming specific kinds and modes of caused moving, as a base for contrastive research of their prefix valence.

Key words: R. and H. verbs meaning caused moving, semantic groups and parameters.

Стаття надійшла до редакції 19.06.2015 р.

Виноградов Анатолій Олександрович – доктор філологічних наук, професор кафедри російської мови ДВНЗ «УжНУ».